

Шопенгауэр Артур

**О четверояком корне закона
достаточного основания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
А86

А86 **Артур Ш.**
О четверяком корне закона достаточного основания / Шопенгауэр Артур –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 148 с.

ISBN 978-5-521-31483-6

ISBN 978-5-521-31483-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ разныхъ переводахъ существуютъ на русскомъ языкѣ разные сочиненія Шопенгауэра. Настоящее изданіе предпринято для того, чтобы вмѣсто этихъ качественно-неоднородныхъ и разбросанныхъ отрывковъ предложить читателямъ *всѣ* творенія германскаго философа, переведенныя *однимъ* лицомъ—самостоятельно или подѣ его редакціей. Имѣетъ ли новый переводъ, кромѣ единства исполненія, и другія, еще болѣе важныя достоинства,—объ этомъ несомнѣнно выскажется свѣдущая критика.

Въ своихъ *Senilia* Шопенгауэръ заранѣе шлетъ свое проклятiе тому, кто, перепечатывая его произведенія, сознательно измѣнитъ въ нихъ что-нибудь,—хотя бы одинъ періодъ, слово, слогъ, букву или знакъ препинанія. Разумѣется, къ переводу своихъ сочиненій на чужой языкъ геніальный брюзга не могъ бы предъявить такого же неисполнимаго требованія. По его собственнымъ словамъ, даже лучший переводъ лишь въ такой степени походитъ на оригиналъ, въ какой транспонированная музыкальная пiеса напоминаетъ свой образецъ.

И безусловной точности, буквальной передачи художественнаго подлинника читатель въ предлагаемой работѣ не найдетъ. Здѣсь намѣренно допущены такія недалекія отступленія отъ нѣмецкаго текста, которыя не искажаютъ его духа и въ то же время способствуютъ большей легкости русской рѣчи,—по крайней мѣрѣ, такова была цѣль переводчика.

Философскій языкъ Шопенгауэра, безукоризненно - устойчивый, не имѣетъ однако спеціальнаго характера: мы вездѣ встрѣчаемъ не столько термины, сколько живыя слова. Поэтому, при ихъ переводѣ казалось дозволительнымъ осторожно и слегка разнообразить ихъ тамъ, гдѣ возникала для этого стилистическая необходимость. Напримѣръ, *Anschauung* передано *воззрѣніе*, *anschaulich* — *наглядный*; но иногда эти выраженія уступали мѣсто своимъ синонимамъ: *интуиція*, *созерцаніе*, *интуитивный*. Если *Erkenntnisgrund* вообще переводилось *основаніе познанія*, то иной разъ читатель увидитъ это же понятіе въ болѣе красивой формѣ *основы познанія* или даже просто *основанія*; послѣднее являлось конечно только тамъ, гдѣ оно не могло вызвать недоразумѣнія. *Причинность* и (изрѣдка) *каузальность*, *законъ причинности* и *причинный (каузальный) законъ* — вотъ еще примѣры указанной варіаціи.

Кантовское *Verstand* на русскомъ языкѣ почти всегда передавали словомъ *разсудокъ*. Но такъ какъ Шопенгауэръ въ своей теоріи познанія отступилъ отъ Канта и именемъ *Verstand* называлъ нѣсколько иную, болѣе широкую способность духа, въ которую своеобразно входитъ и *чувственность* (*Sinnlichkeit*), то, по инициативѣ Н. Н. Страхова, *Verstand* Шопенгауэра обыкновенно переводятъ *умъ*. Это несомнѣнно имѣетъ свои преимущества; однако, въ предлагаемой работѣ сохранено традиціонное названіе — *разсудокъ*. Въдѣ оба мыслителя обозначаютъ не вполне похожія способности однимъ и тѣмъ же словомъ, — не удобнѣе ли поэтому и одинаково переводить ихъ общимъ терминъ? Читатель привыкъ въ переводахъ сочиненій Канта отождествлять *Verstand* и *разсудокъ*, — зачѣмъ же при переходѣ къ Шопенгауэру нарушать это знакомое сочетаніе? Сходство терминовъ не только не воспрепятствуетъ понять разницу по существу, но даже лучше отбѣнить ее. Кромѣ того, въ русскомъ словѣ *умъ* содержится скорѣе практическій и житейскій смыслъ, чѣмъ строго-научный, и означаетъ оно не какую-нибудь опредѣленную способность, а интеллектъ вообще.

Издание открывается разсужденіемъ О четвероякомъ корнѣ потому, что знакомство съ нимъ великій авторъ уже предполагаетъ въ читателяхъ своего главнаго творенія. Преддверіемъ къ Міру какъ волѣ и представленію онъ считаетъ и свой Трактатъ о зрѣніи и цвѣтахъ; но несомнѣнно, что тѣсной органической связи между этими двумя трудами не существуетъ, и поэтому второе мѣсто въ настоящемъ собраніи занимаетъ Міръ какъ воля.

Сочиненія Шопенгауэра пестрятъ цитатами на разныхъ языкахъ—и древнихъ, и новыхъ. Въ нашемъ изданіи онѣ все переведены по-русски, кромѣ отдѣльныхъ словъ и небольшихъ изреченій.

Въ основу перевода положенъ текстъ въ томъ видѣ, какъ его съ великой любовью и усердіемъ исправилъ Эдуардъ Гризебахъ въ своемъ классическомъ изданіи, которое проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ памяти Шопенгауэра и благоговѣйной внимательностью ко всемъ деталямъ его литературнаго наслѣдія (Arthur Schopenhauer's Sämmtliche Werke in sechs Bänden, Leipzig, Philipp Reclam jun).

Къ послѣднему выпуску нашего труда будетъ приложенъ, по образцу гризебаховскаго, предметный указатель. Кромѣ того, многочисленныя ссылки Шопенгауэра на разные страницы его книгъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ будутъ, въ особой таблицѣ, отнесены къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ предлагаемаго русскаго перевода. Въ томъ же выпускѣ появится этюдъ о личности и философіи Шопенгауэра.

Ю. Айхенвальдъ.

15 марта 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Это элементарное философское разсужденіе, которое впервые появилось въ 1813 г. и за которое я получилъ степень доктора, въ послѣдствіи сдѣлалось основаніемъ всей моей системы. Поэтому оно не должно отсутствовать на книжномъ рынкѣ, какъ это, безъ моего вѣдома, продолжалось послѣдніе четыре года.

Но вторично посылать въ міръ юношескую работу со всѣми ея погрѣшностями и недостатками—мнѣ казалось непростительнымъ. Ибо я понимаю, что то время, когда я ничего больше не въ состояніи буду исправлять, уже не можетъ быть очень далеко; между тѣмъ тогда только настанетъ періодъ моего дѣйствительнаго вліянія, который, какъ я уповаю, будетъ дологъ: да, я твердо вѣрю въ завѣтъ Сенеки—«если бы даже всѣмъ твоимъ современникамъ зависть сомкнула уста, придутъ люди, которые будутъ судить безъ злобы и снисхожденія» (п. 79). Поэтому, насколько было возможно, я улучшилъ предлагаемую юношескую работу, и при краткости и непрочности жизни я долженъ даже видѣть особенное счастье въ томъ, что мнѣ дано на шестидесятомъ году поправить написанное мною на двадцать шестомъ.

При этомъ однако я рѣшилъ относиться къ моему молодому человѣку снисходительно и при всякой возможности предоставлять ему слово и даже выслушивать его до конца. Но когда онъ высказывалъ что-нибудь неправильное или излишнее, или оставлялъ въ сторонѣ лучшее, тогда я все же долженъ былъ прерывать его рѣчь; и это случалось довольно часто, такъ что, пожалуй, иные вынесутъ отсюда такое впечатлѣніе, какъ будто старикъ читаетъ вслухъ книгу юноши и нерѣдко опускаетъ ее, для того чтобы предаться собственнымъ разсужденіямъ на ту же тему.

Легко понять, что произведеніе, исправленное такимъ способомъ и послѣ такого долгаго промежутка времени, не могло достигнуть единства и округленности, свойственныхъ лишь тѣмъ сочиненіямъ, которыя выливаются сразу. Даже въ самомъ изложеніи и стилѣ будетъ чувствоваться такая явная разница, что читатель, одаренный нѣкоторой чуткостью, навѣрное никогда не усомнится, слышитъ ли онъ старика или юношу. Ибо существуетъ конечно большое различіе между скромнымъ, мягкимъ тономъ мо-

лодого человѣка, который довѣрчиво излагаетъ свой предметъ и еще достаточно наивенъ, для того чтобы совершенно серьезно вѣрить, будто всѣ занимающіеся философій не могутъ дорожить ничѣмъ инымъ, кромѣ истины, и слѣдовательно будутъ рады тому, кто способствуетъ ей,—и твердымъ, но подчасъ нѣсколько суровымъ голосомъ старика, который долженъ былъ наконецъ догадаться, въ какую благородную компанію промышленниковъ и раболѣпныхъ прислужниковъ онъ попалъ и чего они собственно домогаются. И если даже теперь у него иногда изъ всѣхъ поръ забьетъ ключомъ негодованіе, то справедливый читатель не истолкуетъ и этого въ дурную сторону: вѣдь постепенно результаты показали, что выходитъ, если на устахъ стремленіе къ истинѣ, а взоры постоянно обращены только на замыслы высшаго начальства, и если при этомъ *e quovis ligno fit Mercurius* распространяютъ также на великихъ философовъ и потому смѣло причисляютъ къ нимъ какого-нибудь неуклюжаго шарлатана, въ родѣ Гегеля. И вотъ нѣмецкая философія, удрученная презрѣніемъ, осмѣянная чужими странами, изгнанная правдивыми науками, уподобилась публичной женщинѣ, которая за жалкую плату отдается сегодня одному, а завтра—другому, и головы нынѣшняго поколѣнія разстроены гегелевской бессмыслицей: неспособны къ мышленію, грубыя и оглушенныя, становятся онѣ добычей пошлаго матеріализма, который выползъ изъ яйца василиска. Въ добрый часъ! Я возвращаюсь къ своему предмету.

Итакъ, съ неровностью тона надо будетъ помириться, потому что я не могъ здѣсь, какъ я это сдѣлалъ въ своемъ главномъ произведеніи, выдѣлить въ особое добавленіе позднѣйшія вставки. Да вѣдь дѣло и не въ томъ, что я писалъ на двадцать шестомъ и что на шестидесятомъ году, а только въ томъ, чтобы тѣ, кто желаетъ ориентироваться, укрѣпиться и просвѣтиться въ основныхъ понятіяхъ всякаго философствованія, приобрѣли и въ этихъ немногихъ листахъ книжку, изъ которой они могли бы почерпнуть нѣчто истинное, основательное и дѣльное: и я надѣюсь, такъ это и будетъ. При той разработкѣ, которую получили теперь нѣкоторые отдѣлы этой книжки, она даже стала сокращенной теоріей общей способности познанія, теоріей, которая, постоянно имѣя въ виду только законъ основанія, выставляетъ предметъ съ новой и своеобразной стороны, а затѣмъ находитъ себѣ дополненіе въ первой книгѣ «Міра какъ воли и представленія», вмѣстѣ съ относящимися туда же главами второго тома, и въ критикѣ кантовской философіи.

Глава первая.

Введение.

§ 1.

Методъ.

Платонъ божественный и изумительный Кантъ соединяють свои мощные голоса для того, чтобы предложить въ качествѣ метода всякаго философствованія и всякаго знанія вообще такое правило: надо, говорятъ они, въ одинаковой мѣрѣ удовлетворять двумъ законамъ—*однородности* и *обособленія* (спецификаціи), но не одному изъ нихъ въ ущербъ для другого *). Законъ *однородности* требуетъ, чтобы мы, подмѣчая сходства и соответствія вещей, такимъ путемъ выясняли себѣ виды, послѣдніе соединяли въ группы, группы—въ роды, которые, наконецъ, сводились бы къ высшему всеобъемлющему понятію. Такъ какъ это—законъ трансцендентальный, приращенный нашему разуму, то онъ предполагаетъ согласіе съ нимъ природы; предположеніе это выражено въ старомъ правилѣ: *entia praeter necessitatem non esse multiplicanda*. Законъ *обособленія* Кантъ, наоборотъ, выражаетъ такъ: *entium varietates non temere esse minuendas*. Это значитъ, что мы должны строго различать, во-первыхъ, группы, объединяемыя многообъемлющимъ родовымъ понятіемъ, а во-вторыхъ, высшіе и низшіе виды, которые мыслятся въ этихъ группахъ,—остерегаясь дѣлать какіе бы то ни было скачки и непосредственно подводить низшіе виды или прямо особи подъ родовое понятіе; ибо каждое понятіе можетъ еще быть подраздѣлено на низшія, и даже ни одно изъ нихъ не сводится къ простому воззрѣнію. Кантъ учитъ, что оба закона—трансцендентальныя основоположенія разума, а priori постулирующія совпаденіе съ

*) Platon. Phileb. pp. 219—223. Politic. 62, 63. Phaedr. 361—363. ed. Bip.—Kant. Krit. de reinen Vern., Anhang zur transc. Dialektik.

ними вещей; а Платонъ, повидимому, высказываетъ на свой образецъ то же самое, говоря, что эти правила, которымъ вся наука обязана своимъ происхожденіемъ, низринуты вмѣстѣ съ огнемъ Прометея съ престола боговъ.

§ 2.

Примѣненіе этого метода въ данномъ случаѣ.

Я нахожу, что второй изъ этихъ законовъ, несмотря на такую могучую рекомендацію, слишкомъ мало примѣняется къ одному изъ главныхъ основоположеній всякаго познанія — *закону достаточнаго основанія*. Хотя уже издавна и часто излагали его въ общихъ чертахъ, однако не позаботились надлежащимъ образомъ разграничить тѣ въ высшей степени различныя примѣненія, въ которыхъ онъ каждый разъ получаетъ иной смыслъ и которыя поѣтому обнаруживаютъ его происхожденіе изъ разныхъ познавательныхъ способностей. А то, что пользование, именно при анализѣ способностей нашего духа, однимъ лишь закономъ однородности и пренебреженіе противоположнымъ закономъ породило многочисленныя и долго длившіяся заблужденія и что, наоборотъ, примѣненіе закона спецификаціи повлекло за собою очень крупныя и важныя успѣхи — въ этомъ убѣждаетъ сравненіе кантовской философіи со всѣми ея предшественницами. Поѣтому, да будетъ мнѣ позволено привести цитату, въ которой Кантъ советуетъ примѣнять законъ спецификаціи къ источникамъ нашихъ познаній, — ибо эта выдержка несетъ съ собою его благословеніе моему настоящему замыслу. «Крайне важно — говорить онъ — выдѣлять познанія, по своему роду и происхожденію отличныя отъ другихъ, и заботливо остерегаться, чтобы они не сливались въ одну массу съ тѣми, которыя обыкновенно связываются съ ними на практикѣ. То, что химики дѣлаютъ, разлагая матерію, то, что математики дѣлаютъ въ своемъ чистомъ ученіи о величинахъ, — все это еще гораздо болѣе обязательно для философа, дабы онъ могъ точно выяснитъ долю, которую отдѣльный видъ познанія имѣетъ въ неопредѣленно-широкой практикѣ разсудка, его подлинную цѣнность и вліяніе» (Критика чистаго разума, ученіе о методѣ, 3 главная часть).

§ 3.

Польза этого изслѣдованія.

Если мнѣ удастся показать, что избранный предметомъ этого изслѣдованія основной законъ вытекаетъ не изъ *одного* непосред

ственно, а изъ различныхъ основныхъ познаній нашего духа, то отсюда надо будетъ заключить, что и необходимость, которую онъ, какъ а priori установленный законъ, включаетъ въ себѣ, тоже не вездѣ одна и та же, а столь же многообразна, какъ и источники самого закона. Но въ такомъ случаѣ каждый, кто обосновываетъ этимъ закономъ какое-нибудь заключеніе, будетъ обязанъ точно опредѣлить, на которую именно изъ различныхъ лежащихъ въ основѣ закона необходимостей онъ опирается, и обозначить ее особымъ именемъ (изъ тѣхъ, какія я потомъ предложу). Я надѣюсь, что отъ этого выиграетъ ясность и опредѣленность философствованія; а возможно большую вразумительность, осуществляемую точнымъ обозначеніемъ смысла cadaго выраженія, я считаю неизбѣжнымъ и непремѣннымъ условіемъ философіи,— для того чтобы предохранить себя отъ ошибокъ и умышленныхъ искаженій и каждое приобритенное въ философской области познаніе сдѣлать своимъ прочнымъ достояніемъ, котораго бы уже не отымали у насъ какое-нибудь впоследствии обнаруженное недоразумѣніе или двусмысленность. Вообще, истинный философъ будетъ всюду искать свѣта и ясности и постоянно стремиться походить не на мутный, стремительный потокъ, а на швейцарское озеро, которое, благодаря своему спокойствію, обладаетъ и великой глубиной, и великой ясностью,—и именно эта ясность обнаруживаетъ его глубину. La clarté est la bonne foi des philosophes, сказали Воленаргъ. Наоборотъ, мнимый философъ будетъ стараться скрывать словами,—правда, вовсе не свои мысли, какъ совѣтовалъ Талейранъ, а свой недостатокъ въ нихъ, и невразумительность своей философемы, вытекающую изъ неясности его собственнаго мышленія, онъ будетъ взваливать на совѣсть читателя. Этимъ и объясняется, почему въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, у Шеллинга, дидактическій тонъ такъ часто переходитъ въ бранный, и даже нерѣдко читателей заблаговременно подвергаютъ брани, въ предвосхищеніи ихъ неспособности.

§ 4.

Важность закона достаточнаго основанія.

Она чрезвычайно велика, такъ какъ его можно назвать основой всякой науки. А наука обозначаетъ систему познаній, т. е. совокупность связанныхъ свѣдѣній, въ противоположность простому агрегату ихъ. Но что же иное, какъ не законъ достаточнаго основанія, объединяетъ члены извѣстной системы? Вѣдь то именно и отличаетъ каждую науку отъ простаго агрегата, что познанія слѣ-

думаютъ въ ней одно изъ другого, какъ изъ своего основанія. Поэтому уже Платонъ сказалъ: «даже истинныя мнѣнія стѣять не многого, пока кто-нибудь не соединить ихъ связью причиннаго разсужденія» (Мено, р. 385, Вір.). Почти всѣ науки обладаютъ знаніемъ причинъ, по которымъ опредѣляется дѣйствіе, а также и другого рода знаніемъ—о неизбѣжности слѣдствій изъ основаній, какъ мы это увидимъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и какъ это выразилъ уже Аристотель въ слѣдующихъ словахъ: «всякое разумное знаніе, или даже имѣющее хотя нѣкоторое отношеніе къ разуму, вращается вокругъ причинъ и основаній» (Metaph. V, 1).

И такъ какъ вездѣ предлагать вопросъ *почему* даетъ намъ право наше всегда апіорное предположеніе, что все имѣетъ свое основаніе, то *почему* можно назвать матерью всѣхъ наукъ.

§ 5.

Самый законъ.

Дальше будетъ показано, что законъ достаточнаго основанія является обобщеннымъ выраженіемъ нѣсколькихъ а priori данныхъ познаній. Но предварительно надо представить его въ какой-нибудь формулѣ. Я выбираю формулу Вольфа, какъ наиболѣе общую: *Nihil est sine ratione cur potius sit, quam non sit.* Ничто не существуетъ безъ основанія для своего бытія.

Глава вторая.

Обзоръ самаго главнаго, чему до сихъ поръ учили о законѣ достаточнаго основанія.

§ 6.

Первая постановка закона и различіе двухъ его значеній.

Для такого перво-основнаго закона всякаго познанія уже очень рано должно было быть найдено и его абстрактное выраженіе, болѣе или менѣе точно опредѣленное; поэтому было бы трудно, да и не особенно интересно, указать, гдѣ оно впервые встрѣчается. Платонъ и Аристотель еще не выставляютъ его формально, какъ главный основной законъ, но они все-таки часто выражаются о немъ, какъ объ истинѣ самоочевидной. Такъ, Платонъ съ наивностью, которая по отношенію къ критическимъ изысканіямъ того времени является тѣмъ же, чѣмъ состояніе невинности къ по-